

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-8>

УДК 316.34; 316.33:327

Attribution

cc by

**СПОЙЛЕРНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТОМ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУППИРОВОК:
СИРИЙСКИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РАЗЛОМ**

Лукичев П.Н., Жуни Ханин

Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета

Аннотация. Введение. За фасадом любой войны всегда скрываются экономические интересы противоборствующих сторон, но эти враждующие стороны представлены вовлеченными в конфликт людьми, вообще чуждыми данных интересов или имеющими к ним самое отдаленное отношение. Чтобы побудить их взять в руки оружие и идти воевать друг с другом, необходима объединяющая их идентичность и разъединяющее их представление «мы – они». Гражданская война является самым ожесточенным столкновением между социальными группами, населяющими государство, в котором их идентичность задана идеологическими формулами, обеспечивающими синхронизацию ментальных процессов.

Методология. В качестве методологической базы работы выступают концепции базовых потребностей А. Маслоу, депривации их удовлетворения как причине социальных конфликтов Дж. Бертон, идеи интеракционизма, бихевиоризма и необихевиоризма.

Результаты и их обсуждение. Сложившаяся за последнее время ситуация в Сирии привлекла пристальное внимание исследователей социально-политических процессов, однако, как и в период гражданской войны в Сирии – в основном в политологическом ключе. При этом из виду упускается социальный контекст сирийского цивилизационного разлома, связанного с конфликтом идентичностей социальных групп и вооруженных группировок, а равным образом внутрилличностный конфликт социальных идентичностей – этнической, конфессиональной, региональной и пр. Причиной выступает незавершенный, а по сути, несостоявшийся процесс формирования гражданской национальной идентичности. Барьеры к ее возникновению были созданы внешними акторами, интересы которых провоцировали обостренное столкновение религиозных ориентаций, имеющих ценностный характер, что как раз и делает затруднительным их согласование и примирение враждующих сторон. Прогнозирование развития ситуации в Сирии носит неутешительный характер, наибольшей вероятностью обладает вариант усиленного вмешательства сторонних акторов в виде частичного раздела территории государства и ужесточение внутренней борьбы между этноконфессиональными группировками.

Ключевые слова: гражданская национальная идентичность, этническая идентичность, конфессиональная идентичность, внешние акторы гражданской войны, цивилизационный разлом, иерархия и кризис социальных идентичностей.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

**SPOILER MANAGEMENT OF THE CONFLICT OF ETHNIC AND RELIGIOUS GROUPS:
THE SYRIAN CIVILIZATIONAL RIFT**

Pavel N. Lukichev, Zhuni Khanin

Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University

Abstract. Introduction. The economic interests of the warring parties are always hidden behind the facade of any war, but these warring parties are represented by people involved in the conflict who are generally alien to these interests or have the most distant relation to them. To encourage them to take up arms and go to war with each other, it is necessary to unite them by identity and separate them by idea of "we are not them". The civil war is the fiercest clash between the social groups inhabiting the state, in which their identity is set by ideological formulas that ensure the synchronization of mental processes.

Methodology. The methodological basis of the work is the concepts of A. Maslow's basic needs, deprivation of their satisfaction as a cause of social conflicts by J. Burton, the ideas of interactionism, behaviourism and neo-behaviourism.

Results and their discussion. The recent situation in Syria has attracted the close attention of researchers of socio-political processes, however, as during the Syrian civil war – mainly in a political way. At the same time, the social context of the Syrian civilizational rift associated with the conflict of identities of social groups and armed groups is overlooked, as well as the intrapersonal conflict of social identities – ethnic, confessional, regional, etc. The reason is the incomplete, and in fact, the failed process of forming a civil national identity. Barriers to its emergence were created

by external actors, whose interests provoked an aggravated clash of religious orientations having a value character, which makes it difficult to concordance and reconcile the warring parties. Forecasting the development of the situation in Syria is disappointing, the most likely option is increased intervention by external actors in the form of a partial division of the territory of the state and the intensification of internal struggle between ethnic and religious groups.

Keywords: civil national identity, ethnic identity, confessional identity, external actors of the civil war, civilizational rift, hierarchy and crisis of social identities.

Funding: Independent work.

Введение.

Принадлежность к какой-либо социальной группе, идентификация себя с нею является одной из базовых потребностей личности, поскольку только в социальном окружении человек ощущает себя именно как личность. Каждая такая группа стремится к превращению в замкнутую систему посредством использования для воспроизводства социальных связей отличающейся семиотики. Однако ни одна социальная группа не может достичь абсолютной закрытости, оставаясь открыто-замкнутой системой, а значит – находится в связи с другими такими же системами через общие для них знаковые способы коммуникации. При этом в отношениях между ними принципиально важным является то, на что конкретно делается акцент – на наличие различий или на существование того общего, что их объединяет [1, с.147–164].

Поскольку речь идет о семиотике, т. е. об используемых в общении между людьми знаках и понимании ими их значения, то неизбежно мы касаемся темы человеческого сознания и той совокупности идей, которые либо способствуют возникновению ощущения общности, либо провоцируют чувство некомплектности.

Совокупность господствующих в обществе идей, все, что имеет идеологическую окраску, посредством используемой знаковой системы (в том числе, а может быть и в первую очередь, через все виды искусства), обеспечивает синхронизацию ментальной активности, создавая эффект социальной идентичности. Если материальную сторону единства политической организации создает наличие экономических связей [8], единство внутреннего рынка страны, то прочность этой целостности задана цементирующей общностью идеологической системы [2]. Это особенно важно, когда в рамках одного государства находятся этносы, имеющие различное происхождение, далекие друг от друга языки, разные культурные традиции и религиозные обряды и представления. Правда, моноэтнические государства вообще вряд ли существуют, но зато политически объединенные социальные образования имеют общую историческую судьбу, по сути, совместное противодействие внешней угрозе, и – государствообразующий этнос, язык и культура которого всеми принимаются в качестве совместной семиотической основы для осуществления коммуникации. Однако если оба эти фактора отсутствуют, политическую целостность общества сохранить становится чрезвычайно трудно, потому что обеспечить ее может только сильная государственная власть, граничащая с тоталитарным режимом [18].

Методология.

Исходной методологической концепцией исследования выступает теоретический конструкт А. Маслоу, рассматривающий базовые потребности личности, среди которых значимое место занимает потребность в социальном окружении и социальной идентичности [13]. Использованы методологические идеи Дж. Бертона о депривации базисных человеческих потребностей как причине социальных конфликтов [6, с.56]. Поскольку рассматривается конфликт этноконфессиональных группировок, воспроизводство которых осуществляется в процессе межличностной коммуникации, используются методологические установки интеракционизма [3], бихевиоризма и необихевиоризма [15].

Обсуждение.

Сирийская арабская республика в отношении конфигурации этноконфессиональных групп не уникальна, но специфична [7]. Подавляющее большинство населения составляют местные арабы (80%), но некоторая часть арабского населения по причине сложной политической ситуации на Ближнем Востоке представлена палестинскими беженцами (почти полмиллиона человек). Значительное по численности этническое меньшинство – это курды (10%). Еще порядка десяти процентов – это прочие этнические группы: под общим наименованием «черкесы» проживают в Сирии потомки мухаджиров – разных племенных групп черноморского побережья Северного Кавказа, которые покинули его в XIX веке в процессе Кавказских войн; сирийские туркоманы; армяне и ассирийцы (айсоры).

Не менее пестрая картина наблюдается в конфессиональном плане.

Государствообразующий этнос – сирийские арабы – являются мусульманами (93%), которые разделены на два непримиримых в догматике направления – суннизм (74%) и шиизм (13%). Однако и эти направления имеют внутреннее дробление. Суннизм представлен различными мазхабами, среди которых преобладающим по влиянию выступает ханафитский мазхаб, а на втором месте находится мазхаб шафиитский. Различия между ними, как, впрочем, и между прочими мазхабами сводится к трактовке правовых норм с поставленной во главу угла иерархией юридических авторитетов ислама, вследствие чего светское законодательство, ориентированное на нормы, принятые в мировой практике, в среде суннитов вообще не являются чем-то, с чем следует считаться.

С другой стороны, шиитское направление ислама также разделяется на алавитов, исмаилитов и двенадцатников. Алавиты – название довольно-таки условное, поскольку представлены они рядом сект,

каждая из которых значительно отделилась от ислама вообще, и шиизма, в частности, и даже друг от друга, осуществляя в религиозных воззрениях причудливую смесь положений ислама, христианства, гностицизма и языческих представлений доисламского Востока. Исмаилиты – это также совокупность религиозных течений, которые объединяет представление о наличии «скрытых имамов», в свое время начавших распространение вероучения именно с территории Сирии. Наиболее важную роль в исмаилизме играют его ответвления низаритов и мусталитов [9]. Наконец, шииты двенадцатники – это преобладающее направление в шиизме, его последователи верят в праведность двенадцати первых имамов, причем последний из них исчез в малолетнем возрасте после смерти своего отца. Возвращения этого «скрытого имама» в качестве Спасителя двенадцатники ждут по сей день.

В Сирии также действуют суфийские ордена, самыми влиятельными из которых являются Накшбандия, Кадирия и Шадхилия [5].

Второй по численности религией в стране является христианство (примерно 10% населения), представленное православными, католиками (мелькитами, сиро-католиками, маронитами, армяно-католиками и халдо-католиками), монофизитами (последователями Армянской апостольской церкви), Ассирийской церковью востока, баптистами, англиканами, перфекционистами, реформатами, пятидесятниками и другими сектантскими организациями [11]. Наличествуют также езиды, бахаи, зороастрийцы и иудеи. Наконец, порядка 3% населения Сирии составляют друзы, религиозные воззрения которых откололись от исмаилизма, представляя собой весьма причудливую смесь философско-религиозных идей в сочетании с эзотерикой и этнокультурной изоляцией от других социальных групп.

Внутреннюю политическую ситуацию усугубляет вмешательство внешних акторов. Так, в ходе Шестидневной войны (1967 г.) войска Израиля захватили Голанские высоты на юге Сирии и продолжают удерживать их, несмотря на попытку в 1973 году сирийских вооруженных сил вернуть их военным путем и даже введение воинского контингента ООН для разъединения враждующих сторон. На этой территории, так получилось исторически, в основном сконцентрированы друзы, которые сохраняют сирийское гражданство и отказываются получать израильское, имея (до свержения Асада) некоторые преференции от правительства Сирии, в частности – право бесплатного получения высшего образования [4].

Оккупация Израилем Южного Ливана (1982 г.) вызвала к жизни шиитское движение сопротивления в лице возникшей в 1982–1983 гг. военно-политической организации под названием Хезболла (араб. *الله حزب* – *Хизбу 'лġāх*, т. е. «партия Аллаха»). Справедливости ради следует заметить, что Хезболла далеко не всегда действовала (и действует) «чистыми руками», совершив ряд террористических актов (взрывы посольства Израиля в 1992 г. и еврейского общинного центра в 1994 г. в Аргентине и пр.) и попав в список

террористических организаций в некоторых странах Европы и в США. Хотя первоначально заявленной целью движения была борьба с израильской агрессией, но начавшаяся в Сирии «пятничная революция» 2011 г., переросшая в гражданскую войну, притянула к участию в ней ливанскую Хезболлу.

Дело в том, что, в своем большинстве, деятелями «революции» были лица, исповедующие суннизм. Соответственно их проповеди были в первую очередь обращены к суннитам, а требования были самые различные – от отставки правительства, борьбы с коррупцией и социальной несправедливостью до свержения президента Башара Асада, которого они объявляли (не без оснований) выбранным с нарушениями демократических процедур. Во время похорон умершего насильственной смертью юноши, в чем, возможно, огульно обвинили полицию, произошли атаки на правительственные учреждения и соответственно столкновения с полицией. Надо полагать, по аналогии с прочими «цветными революциями», все это было спланировано и осуществлено политическими противниками Башара Асада, правительства и правящей партии Баас. Наиболее вероятно, что за всем этим стояла Турция, стремящаяся к усилению своего влияния среди этнической группы туркоманов и арабов-суннитов на нефтеносном северо-востоке Сирии [16]. Зародившееся, а по сути, возродившаяся (поскольку с момента победы партии Баас в 1963 году она никогда и не исчезала) оппозиция декларировала себя ориентированной на демократию [10]. Правда, понимала ее только как власть суннитского (поскольку в среде арабов преобладает не этническая и не гражданская, а религиозная идентичность) большинства в ущерб интересам других этноконфессиональных групп населения. Сформированная оппозицией Сирийская национальная коалиция однозначно стала на путь достижения своих целей посредством вооруженной борьбы с обвинением всех прочих мусульман в такфире – вероотступничестве, наказанием за которое может быть только смерть. Это в свою очередь привело не-арабов и арабов-шиитов на сторону сирийского правительства. С другой стороны, сунниты северо-запада (туркоманы и арабы ханафитского мазхаба) получили финансовую и военную (оружие и непосредственное участие) помощь со стороны правительства Турции и ее вооруженных сил, так что часть территории Сирии оказалась, по сути, оккупированной турецкими войсками.

Появление еще одной политической силы в лице шиитской Хезболлы, которую поддерживал и финансировал Иран, не только усилило правительственную армию, но и сделало Иран гибридным участником гражданской войны в Сирии, впрочем, не только гибридным, так как на территории Сирии оказались в качестве инструкторов и воинских формирований «стражи исламской революции» Ирана. Поскольку же территориальной базой организации Хезболла являлся и является Ливан, автоматически он также становится стороной конфликта, и его политическое руководство

усилило в результате свои связи с правительствами Сирии, и Ирана.

Между тем, в пограничном с Сирией Ираке, в районе суннитского треугольника (Багдад, Тикрит, Эр-Рамеди), где еще с 2003 года силы международной коалиции во главе с США пытались вести борьбу с местными партизанами, стали концентрироваться боевики Аль-Каиды, а после разгрома на Северном Кавказе – и бандформирования, носители радикального ислама, а также подобные им представители восточноазиатских республик бывшего СССР. «Обеспокоенный жестокими притеснениями суннитов» в Сирии, «правитель правоверных» Абу Бакр аль-Багдади направляет воинские соединения под названием «Джебхат ан-Нусра», открывая таким образом второй фронт против официального Дамаска. 29 июня 2014 г. было объявлено о создании «Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ)». Захваченный сирийский город Эр-Ракка становится штаб-квартирой этой террористической группировки.

Однако на северо-востоке страны войска ИГИЛ были остановлены курдскими силами самообороны, которые были поддержаны международной коалицией. Причем эта поддержка продолжается и по сей день, хотя борьба курдов за создание национального государства противоречит политике Турции, осуществляющей на своей территории и на территории Сирии подавление национально-освободительного движения курдов.

Осуществляя противодействие ИГИЛ, воинские контингенты США заняли нефтеносные районы на севере и востоке Сирии. Несколько раз через госсекретаря делались заявления о выводе американских войск с этих территорий, однако в 2020 году повстанческая администрация Северной и Восточной Сирии заключила соглашение с американской нефтяной компанией Delta Crescent Energy LLC о разработке нефтяных месторождений в регионе, и с тех пор ситуация не изменилась, несмотря на протесты тогдашнего официального сирийского правительства.

Борьба на северо-западе с воинскими формированиями Сирийской национальной оппозиции (Свободной сирийской армией – Сирийской национальной армией) и с ИГИЛ на востоке оказалась не под силу государственным воинским формированиям, что объясняется в достаточной мере просто – большинство военнослужащих сирийских вооруженных сил являются мусульманами-суннитами, которые не остаются равнодушными к проповеди социального равенства и справедливости, каковыми они были когда-то в мифические времена первых халифов и как они представляются возрожденными в теократическом государстве.

Столкновение этих иллюзий с реальными социальными отношениями в среде повстанцев Сирийской национальной армии и боевиков ИГИЛ привело к росту внутренних противоречий. Уже в 2014 году между двумя армиями начались столкновения. Тогда же руководство Аль-Каиды объявило о разрыве отношений с ИГИЛ и отказало в поддержке Фронту ан-

Нусра. В свою очередь ИГИЛ отбросило географическую привязку в названии и стало просто Исламским государством (ИГ).

Крупные поражения и потеря значительной части территории побудило Башара Асада вспомнить о договоре с СССР, правопреемницей которого является Российская Федерация. С первых чисел октября 2015 года российские вооруженные силы начинают осуществлять военную поддержку правительственным сирийским войскам. В результате уже 6 декабря 2017 года президент России В. В. Путин объявил о полном разгроме Исламского государства (ИГ). Однако его разрозненные вооруженные группы отступили за Евфрат, где все еще продолжают существование на территории Ирака.

Между тем, отношения с вооруженной сирийской оппозицией в значительной мере изменились. Наступление сирийской армии официального правительства привело к существенному сокращению территории, контролируемой оппозицией. По сути, за ней оставалась только провинция Идлиб, однако по «настоятельному» предложению Турции боевые действия были остановлены, и в Астане (Казахстан, 2017 г.) начаты переговоры с оппозицией о проведении демократических реформ в стране. В переговорах также принимали участие делегации России, Ирана, ООН и посол США в Казахстане. В январе 2018 года по инициативе России в Сочи был проведен Конгресс сирийского национального диалога. В нем участвовали почти 1,5 тысячи представителей разных политических сил Сирии, старейшины племен и религиозные деятели. Казалось бы, принятое решение о выработке новой конституции прокладывало путь к мирному урегулированию внутри-сирийского конфликта. Однако в нем не приняли участия влиятельные и агрессивно настроенные оппозиционные силы.

Для успешно продвигающейся армии прекращение огня и установление перемирия, какими бы гуманитарными и гуманистическими соображениями это ни диктовалось, является катастрофой. «За что воевали? За что проливали кровь и теряли боевых товарищей?» – это вопросы, которые производят деморализацию вдруг остановленной армии. Происходит утрата цели и смысла всей проведенной кампании, боевой дух снижается, и начинается моральное разложение бездействующей армии.

С другой стороны, перемирие было использовано агрессивной оппозицией для укрепления своего положения. Турецкая помощь не ограничивалась только поставкой оружия. Была организована боевая подготовка рядовых и офицеров Свободной сирийской армии (Сирийской национальной армии). Переброшены на территорию Сирии, контролируемую оппозицией, инструкторы и боевики. Есть свидетельства того, что сирийской оппозиции перепродавалось западное вооружение, приобретенное Украиной, а ее инструкторы принимали участие в формировании отрядов в Идлибе.

Перемирие было использовано также и для перестройки самой оппозиции. Уже в 2017 году произошло слияние вооруженных формирований Джабхат Фатх аш-Шам (прежнее название Фронт ан-Нусра), Фронта Ансар ад-Дин, Джейш ас-Сунна, Лива аль-Хакк и Нур ад-Дин аз-Зенки и др. (всего 28 группировок). Надо полагать по убедительному совету турецких инструкторов, было снято взаимное обвинение в такфире. Новая организация получила название Хайят Тахрир аш-Шам (ХТШ; араб. *الشام تحرير حرية* – организация за освобождение Леванта). Большинство организаций, вошедших в ХТШ, были салафитскими [12]. В результате во главе ее оказались лидеры Джабхат Фатх аш-Шам и Ахрар аш-Шам, с чем не согласилось руководство Фронта Ансар ад-Дин и Нур ад-Дин аз-Зенки, которые вышли из объединения.

На тот момент времени задачи, решаемые Хайят Тахрир аш-Шам, состояли в налаживании гражданского управления провинцией (Идлиб) и организации судебного производства, которое осуществлялось на основе шафиитской мысли в направлении согласования и уважительного отношения ко всем четырем суннитским мадхахибам – юридическим школам исламской юриспруденции. Одновременно с этим, ХТШ сосредоточилась на достижении поддержки населением своей деятельности, активно проводя пропаганду целей и переговоры со старейшинами различных племенных группировок. Несмотря на признание ХТШ со стороны Турции (а также США, России и ООН) террористической организацией, турецкие власти на практике продолжали сотрудничество с ней как с союзником против курдов, остатков Исламского государства и прочих джихадистов.

27 ноября 2024 года Хайят Тахрир аш-Шам открыл новый сезон военных действий. Этому предшествовали серьезные события. Израильский ЦАХАЛ обстрелял и ввел воинский контингент на юг Ливана, где были базы Хезбаллы, соответственно отряды Хезбаллы покинули территорию Сирии и прекратили поддержку официальной сирийской армии, сместившись в Ливан, где большинство их боевиков погибло. С другой стороны, Российская Федерация не могла оказать правительству Сирии масштабную военную помощь – во-первых, ввиду осуществления Специальной военной операции, во-вторых, введение ограниченного воинского контингента на территорию Сирии было связано с выполнением условий договора, т. е. при наличии внешней угрозы, каковой было Исламское государство Ирака и Леванта, а не по причине гражданской войны.

Оставшаяся без поддержки Хезболлы, а соответственно и Ирана, ослабленная и деморализованная сирийская армия оказалась бессильной перед Сирийской национальной армией и боевиками Хайят Тахрир

аш-Шам. В отличие от последней она ведь была лишена идеи, ради которой имеет смысл сражаться, умирать и побеждать. Единственной идеей остается страх неизбежной смерти, а по сути, этно-религиозного геноцида в отношении шиитов и курдов, которые только и могут оказать сопротивление и в какой-то мере противостоять Сирийской национальной армии и боевикам Хайят Тахрир аш-Шам.

Результаты.

Бенефициаром эскалации гражданской войны не является никакая-либо часть населения Сирии. Благоприобретателями выступают США и Турция. США – потому что в общем случае любой вооруженный конфликт в мире приводит к укреплению американского доллара в качестве мировой валюты, поскольку хотя бы одна из враждующих сторон напрямую или через посредников вынуждена обращаться за финансовой и военной помощью. Причем финансовая поддержка может быть оказана только в валюте, общепринятой в качестве мировой, к тому же в долг, а военная помощь обеспечивает военно-промышленный комплекс США долгосрочными заказами. В частном же случае, именно под контролем компаний США оказались нефтедобывающие районы северо-востока Сирии. Турция – по тем же самым причинам в отношении западного берега Евфрата, где не только имеются месторождения газа и нефти, но идут пути их поставки к портовым городам. Здесь же по западному берегу в обход территории Курдской сирийской автономии возможно строительство газопровода через территорию Сирии в Турцию и к Средиземному морю. К тому же, Турция использует джихадистские настроения арабов для борьбы с курдским Демократическим Союзом, доминирующим в Курдской сирийской автономии, который считает связанным с Курдской Рабочей Партией, которая ведет борьбу за национальную независимость турецкого Курдистана. Кроме того, в результате Турции осуществляется удовлетворение имперских амбиций, поскольку все это – территории, которые до Первой мировой войны входили в состав Османской империи.

Следует заметить, что победа сирийской оппозиции хоть на севере, хоть на юге, где также наличествуют повстанцы, ведущие борьбу с Асадом, не в интересах Израиля, поскольку и те, и другие равным образом имеют антисиионистские настроения. Впрочем, они вообще не могут считаться контролируруемыми каким-либо внешним актором, выступая за ликвидацию любого иностранного присутствия на территории Сирии. Это подразумевает в определенном смысле необходимость для ЦАХАЛ произвести оккупацию юго-западных районов Сирии, неизбежно вступив в столкновения с повстанческой армией.¹ Как бы ни рассматривалось такое вторжение в качестве оккупации, но присутствие армии Израиля объективно предотвращает

¹ Эти строки были написаны 7 декабря 2024 г., а на следующий день Израиль ввел войска на «пограничные» территории и осуществил бомбардировку городов Сирии под предлогом необходимости уничтожения предприятий, якобы производящих химическое оружие, а

также складов с вооружением армии Асада, дабы они не достались Сирийской национальной армии и прочим джихадистам.

геноцид (на религиозной почве) проживающих здесь друзов, христиан и алавитов, но не исключает сопротивление части их израильскому вторжению.

Можно прогнозировать, что и американо-турецкое присутствие на севере Сирии приведет к обострению отношений Хайят Тахрир аш-Шам и Сирийской национальной армии с Курдской автономией. Сложен вопрос также и о присутствии российских военных и военно-морских баз. С другой стороны, в любой момент отношения внутри оппозиции могут прийти к обострению. До настоящего времени единственной идеей, объединявшей вооруженную оппозицию, являлась борьба с «тиранией Асада». Победа оппозиции неизбежно приведет к ее распаду и столкновению между группировками.

Заключение.

Любая идентичность формируется за счет противопоставления «мы – они». Пока Асад был у власти, идентичность оппозиционно настроенных к официальному правительству сил строилась на противопоставлении «мы – и все прочие, кто поддерживает Асада». Его исчезновение с политической сцены сразу приводит к тому, что оказывается много «мы» и много «они».

Проблема Сирии не столько в привычной бедности ее населения [17], сколько в отсутствии национального самосознания, т. е. отсутствии национальной идентичности, которая объединяла бы народ Сирии, независимо от этнической и религиозной принадлежности. Однако для ее формирования необходимо существование сплоченного «мы», а это достигается синхронизацией ментальной активности, которая, в свою очередь, возникает через общность разнообразных форм искусства, как отмечалось нами выше. В первую очередь – через наличие национальной литературы, особенно поэзии. И если этого нет, то нет и нации. Нет национального самосознания, национальной идентичности.

Нормальная конфигурация идентичностей выглядит следующим образом: верхний слой составляет идентичность гражданской нации; следующий уровень, лежащий, образно говоря, ниже – этническая идентичность; еще ниже – конфессиональная идентичность; далее может идти региональная идентичность, гендерная идентичность, семейная и пр. В арабском мире эта многослойность идентичностей выглядит в перевернутом и перемешанном виде. На первом плане находится конфессиональная идентичность. На втором – этническая или даже племенная идентичность, и это при том, что существуют значительные различия арабского языка, и арабский сирийский, и арабский, скажем, марокканский – это настолько разные диалекты, что их носители с трудом понимают друг друга. Хотя существующая литература (проза и поэзия) имеют общепарабское значение и должны были бы способствовать арабской этнической идентичности, но время ее возникновения – Средние века, и к современным национальным государствам имеет отдаленное отношение. Справедливости ради все же следует заметить, что в сирийском арабском бытует достаточно специфичная устная культура всевозможных рассказов в стиле *totalité*, прибауток, поговорок и пословиц.² Тем не менее существуют сложности и с арабской этнической идентичностью вообще [14, с.9], да и существование национальной гражданской идентичности, по крайней мере в Сирийской Арабской Республике, весьма и весьма сомнительно.

Сказанное позволяет констатировать существование опасности вступления Сирии в еще более жестокую фазу гражданской войны и раздробления страны на феодальные владения отдельных вооруженных формирований даже в том случае, если им удастся достичь согласия и сформировать (по внешним параметрам общегосударственное) правительство.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Лукичев П. Н. (2017). *Общая теория социальной динамики: Основания и начала анализа*. Изд. 2-е. М.: РУ-САЙНС, 324.
2. Лукичев П. Н. (2023). *Трансформация когнитивно-идеологических матриц. Стратегии развития общества и социальная работа: Пятая Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием (10–13 окт. 2022 г.): материалы докладов и сообщений в виде научных статей /ЮФУ. Ростов-на-Дону; Таганрог: ЮФУ, 78–85.*
3. Парсонс Т. (2000). *О структуре социального действия*. М.: Академический Проект, 880.
4. *Сирийский рубеж. (2016). Авторский коллектив: М. С. Барабанов, А. Д. Васильев, С. А. Денисенцев, А. В. Лавров, Н. А. Ломов, Ю. Ю. Лямин, А. В. Никольский, Р. Н. Пухов, М. Ю. Шеповаленко (редактор). С предисловием С. К. Шойгу и послесловием С. В. Лаврова. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 184.*

² Например, Syria Untold опубликовала серию статей об устной культуре в Сирии: <https://syriauntold.com/category/in-depth/oral-culture/>.

5. Шагавиев Д. А. (2015). *Исламские течения и группы*. Казань: КФУ, 336.
6. Burton J. W. (1993). *Conflict Resolution as a Political Philosophy. Theory and Practice: Integration and Application* / ed. D. J. D. Sandole and Hugo van der Merwe. Manchester and New York: Manchester University Press, 55–64.
7. Carpenter T. G. (2013). *Tangled Web: The Syrian Civil War and Its Implications*. Mediterranean Quarterly, 24 (1), 1–11.
8. Collier P. (2000). *Doing Well out of War in Greed and Grievance: Economic Agendas in Civil Wars*. Boulder: Lynne Rienner, 251.
9. Daftary Farhad. (2020 [1998]). *Short History of the Ismailis: Traditions of a Muslim Community*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 256.
10. Humphreys M., Weinstein J. M. (2008). *Who fights? The Determinants of Participation in Civil War*. American Journal of Political Science, 52(2), 436–455.
11. Jason Mandryk (2010). *Operation World: The Definitive Prayer Guide to Every Nation*. 7-е изд., InterVarsity Press. (Сирия, 802–803), 978.
12. Makdisi S., Soto R. (2023). *The Aftermath of the Arab Uprisings: Towards Reconstruction, Democracy and Peace*. London: Routledge, 286.
13. Maslow A. H. (1954). *Motivation and Personality*. New York: Harper & Row, 399.
14. Salamandra Christa A. (2004). *A New Old Damascus: Authenticity and Distinction in Urban Syria*. Bloomington: Indiana UP, 216.
15. Skinner B. F. (2011). *About Behaviorism*. New York: Vintage Book, a Division of Random House, Knopf Doubleday Publishing Group, 303.
16. Starr St. (2012). *Revolt in Syria: Eyewitness to the Uprising*. New York: Columbia UP, 226.
17. Abu-Ismaïl K., Abdel-Gadir A., El-Laithy H. (2011). *Poverty and inequality in Syria (1997- 2007)*. UNDP. Arab Development Challenges Report, 15, 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.undp.org/arab-states/publications/poverty-and-inequality-syria-1997-2007>.
18. Sambanis N. (2019). *Power-sharing and Peace-Building*. Unpublished Manuscript. Economic Research Forum project on “Conflict, Post-conflict transition and peacebuilding in the Arab Region.” Giza, Egypt; Working Paper No. 1396. June 2020. 33 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://erf.org.eg/app/uploads/2020/08/1598532147_921_579348_1396.pdf.

References:

1. Burton J. W. (1993). *Conflict Resolution as a Political Philosophy. Theory and Practice: Integration and Application* / ed. D. J. D. Sandole and Hugo van der Merwe. Manchester and New York: Manchester University Press, 55–64.
2. Carpenter T. G. (2013). *Tangled Web: The Syrian Civil War and Its Implications*. Mediterranean Quarterly, 24 (1), 1–11.
3. Collier P. (2000). *Doing Well out of War in Greed and Grievance: Economic Agendas in Civil Wars*. Boulder: Lynne Rienner, 251.
4. Daftary Farhad. (2020 [1998]). *Short History of the Ismailis: Traditions of a Muslim Community*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 256.
5. Humphreys M., Weinstein J. M. (2008). *Who fights? The Determinants of Participation in Civil War*. American Journal of Political Science, 52(2), 436–455.
6. Jason Mandryk (2010). *Operation World: The Definitive Prayer Guide to Every Nation*. 7-е изд., InterVarsity Press. (Сирия, 802–803), 978.
7. Lukichev, P. N. (2017). *General theory of social dynamics: Foundations and beginnings of analysis*. 2nd ed. Moscow: RUSAINS, 324.
8. Lukichev, P. N. (2023). *Transformation of cognitive-ideological matrices. Strategies for the development of society and social work: The Fifth All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation (October 10-13, 2022): materials of reports and communications in the form of scientific articles /SFU. Rostov-on-Don; Taganrog: SFU, 78–85.*
9. Makdisi S., Soto R. (2023). *The Aftermath of the Arab Uprisings: Towards Reconstruction, Democracy and Peace*. London: Routledge, 286.
10. Maslow A. H. (1954). *Motivation and Personality*. New York: Harper & Row, 399.
11. Parsons, T. (2000). *On the structure of social action*. Moscow: Akademicheskij Proekt, 880.
12. Salamandra Christa A. (2004). *A New Old Damascus: Authenticity and Distinction in Urban Syria*. Bloomington: Indiana UP, 216.
13. Shagaviev, D. A. (2015). *Islamic movements and groups*. Kazan': KFU, 336.
14. Skinner B. F. (2011). *About Behaviorism*. New York: Vintage Book, a Division of Random House, Knopf Doubleday Publishing Group, 303.
15. Starr St. (2012). *Revolt in Syria: Eyewitness to the Uprising*. New York: Columbia UP, 226.
16. *The Syrian frontier*. (2016). The team of authors: M. S. Barabanov, A. D. Vasiliev, S. A. Denisentsev, A. V. Lavrov, N. A. Lomov, Yu. Yu. Lyamin, A. V. Nikolsky, R. N. Pukhov, M. Y. Shepovalenko (editor). With a preface by S. K. Shoigu and an afterword by S. V. Lavrov. Moscow: Centr analiza strategij i tekhnologij, 184.
17. Abu-Ismaïl K., Abdel-Gadir A., El-Laithy H. (2011). *Poverty and inequality in Syria (1997- 2007)*. UNDP. Arab Development Challenges Report, 15, 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.undp.org/arab-states/publications/poverty-and-inequality-syria-1997-2007>.
18. Sambanis N. (2019). *Power-sharing and Peace-Building*. Unpublished Manuscript. Economic Research Forum project on “Conflict, Post-conflict transition and peacebuilding in the Arab Region.” Giza, Egypt; Working Paper No. 1396. June 2020. 33 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://erf.org.eg/app/uploads/2020/08/1598532147_921_579348_1396.pdf.

Информация об авторах:

Лукичев Павел Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры конфликтологии и национальной безопасности Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, milena.555@mail.ru

Жуни Ханин, аспирант кафедры конфликтологии и национальной безопасности Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, milena@mail.ru

Pavel N. Lukichev, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Conflictology and National Security at the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, milena.555@mail.ru

Zhuni Khanin, PhD Student at the Department of Conflictology and National Security at the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 17.06.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.07.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.